С приближением весны погода становилась всё теплее, в столице становилось все больше туристов, а также появлялось всё больше приезжих, которые занимались делами и налаживали контакты, а потому и постоялый двор Лайи каждый день оказывался переполненным.

Лу Тун больше не готовила медикаменты на задней кузне постоялого двора. И для этого было несколько причин.

Первая заключалась в том, что после того, как количество гостей, проживающих на постоялом дворе, увеличилось, среди постояльцев появились представители трёх религий и девяти течений (1). Она была молодой незамужней девушкой, а потому для Лу Тун было опасно ночами разгуливать по постоялому двору. Вторая причина заключалась в том, что если бы она продолжала каждую ночь ходить на кухню на заднем дворе, то каким бы добродушным ни был владелец магазина, даже если бы он ничего не сказал, вероятно, в его сердце рано или поздно поселилось бы недовольство.

К счастью, денег, которые они выручили в прошлом за продажу пухуантаня, могло хватить ещё на полмесяца, пока придётся снова начать ломать голову о том, как заработать.

Инь Чжэн легла за стол и от скуки писала на столе пальцами, обмакнутыми в чай.

Её почерк был очень красив, сдержанный и утончённый, изящный и прелестный. Её иероглифы были похожи на цветы, но сам почерк был довольно убористым и аккуратным. Лу Тун не удержалась и бросила ещё несколько взглядов на действия служанки.

Увидев пристальный взгляд Лу Тун, Инь Чжэн на мгновение опешила, затем поспешно вытерла рукавом водянистые пятна на столе и сказала:

– Юная леди, я…

– Это выглядит неплохо, – тихо сказала Лу Тун.

Лицо Инь Чжэн покраснело:

– Первоначально в этом заведении девочки должны были учиться игре на цинь, шахматам, каллиграфии и живописи. Нуби больше ничему не научилась, кроме того, что она едва освоила чтение и письмо, но… – она не стала продолжать.

В глубине души Лу Тун знала, что гости, пришедшие в бордель в поисках удовольствий, могли бы выложить кучу денег за пару мелодий на пипе, или они могли бы предложить байху (2) жемчужин за сражение на шахматной доске с воспитанницей публичного дома, но они, возможно, не захотели бы платить деньги за то, чтобы посмотреть, как девушка пишет.

Одним словом, у великих конфуцианцев и знаменитых людей есть тысячи золотых, а перо и

чернила проституток ничего не стоят. Трое, шестеро, девятеро и так далее. Богатые и бедные, знатные и низменные – люди уже давно имеют предельно чёткое разделение.

Инь Чжэн очень любила писать, поэтому, когда Лу Тун просила её писать на белой промасленной бумаге, в которую заворачивала в целебный чай, она всегда писала очень серьёзно. Девушка спросила Лу Тун:

– Но, юная леди, почему Вы решили написать что-то на этих белых листах, содержащих целебный чай?

Лу Тун ненадолго задумалась, прежде чем ответить:

– Когда мы с тобой въехали в столицу, повсюду на дорогах и улицах можно было увидеть чайные домики и чайные киоски. Жители Шэнцзина любят пить чай.

Инь Чжэн кивнула.

– Каким бы маленьким ни был чайный киоск, перед ним всегда стоят цветы, а напитки изысканные. Есть также эссе о конфуцианской поэзии, которые можно назвать элегантными.

Инь Чжэн задумчиво проговорила:

– Вот почему юная леди приготовила целебный чай.

Лу Тун слабо улыбнулась.

---

1. □□□□ (sānjiàojiǔliú) – литературный перевод – три учения и девять течений – в прямом знА Чэнии под этим выражением понимается обилие философских школ или множество наук и премудростей. Однако в переносном смысле это означает разношёрстную компанию, где могут быть люди всякого толка.

2. □□ (bǎihú) – байху – старинный измерительный прибор для сыпучих или жидких тел. Дословно можно перевести как "сто мер". Этот прибор представлял собой шест с десятью вёдрами (доу), а потом с пятью вёдрами, и измерение было около ста трёх с половиной литров и пятьюдесятью двумя литрами, соответственно.

http://tl.rulate.ru/book/100285/3564154